

Глядя на то, как Бай По застыл перед городскими воротами Лючжоу, Ван Шо ловил себя на мысли, что его спутник — существо до крайности странное. И чем дольше они находились бок о бок, тем отчетливее он понимал, насколько у этого юноши тяжелый характер.

Добравшись до постоянного двора, юноша тут же завалился на кровать в своей комнате и наотрез отказался выходить. Ван Шо пришлось самому нести ему ужин. Бай По лишь лениво поковырялся в тарелке, едва притронувшись к еде.

— Ты как? Всё в порядке? — спросил Ван Шо.

Бай По неохотно поднял на него взгляд, тут же опустил голову и безучастно обронил:

— Устал я.

"Да что с ним такое? — мысленно фыркнул Ван Шо. — Тоже мне, благородная девица, запертая в четырех стенах. Будь это так, убивал бы ты людей хоть чуточку менее проворно, я бы, может, и посочувствовал"

Разумеется, вслух он этого не произнес. Быстро взяв себя в руки и нацепив самую дружелюбную улыбку, он предложил:

— Давай прогуляемся. Солнце уже зашло, дневной зной должен был спасть.

Бай По уложил подбородок на столешницу, лениво перекатил голову с боку на бок и уставился на Ван Шо. После недолгого молчания в его глазах вдруг вспыхнул живой огонек.

— А вкусненькое там будет?

Ван Шо на мгновение опешил, но против этого предвкушающего, блестящего взгляда устоять не смог и молча кивнул.

Они неторопливо пошли по мостовой. Под ногами шуршали гладкие каменные плиты, на которых дрожали отблески чистого лунного света, отраженного от стен окрестных лавок. Легкий ветерок нежно касался лиц. В это мгновение дневная суeta и удушливый летний зной разом исчезли, уступив место прохладе. Ритмично стрекотали цикады, где-то в отдалении журчала вода. Эта ночь казалась одновременно тихой и оживленной — куда более приятной, чем прохладные летние ночи на северной границе.

Улицы пестрели прохожими. Статные юноши гарцевали на холеных скакунах, а благородные барышни, приоткрыв занавески паланкинов, с любопытством разглядывали витрины. Повсюду сновали разносчики еды с коромыслами на плечах, привлекая покупателей зычными криками; горожане собирались группками в тени зданий, спасаясь от духоты. Жизнь здесь кипела ключом, но чем громче шумела толпа, тем сильнее отдалялся от нее Бай По. Ван Шо внезапно

почувствовал, как от шагающего рядом юноши повеяло щемящим, почти осязаемым одиночеством.

Он невольно повернулся к спутнику. Поскольку все дорожные хлопоты, жилье и расходы Ван Шо взял на себя, он же и обновил гардероб юноши, выбрав для него исключительно белые наряды. Сначала Бай По недовольно кривился, но со временем смирился.

Сейчас, в сиянии ночных огней, его округлое детское лицо казалось потерянным. Темные глаза подернулись дымкой, бывшая горделивость бесследно исчезла. Юноша выглядел настолько хрупким и отрешенным, словно готов был в любую секунду растаять в воздухе, подобно ночной росе. Повинуясь внезапному порыву, Ван Шо крепко сжал его ладонь.

Бай По смотрел на шумную толпу, но мысленно видел тихую, укутанную туманами гору Восхождения к Небесам, где провел столько лет. Одно воспоминание — абсолютный покой, другое — кричащая суета. И это резкое осознание того, что он оказался в совершенно ином мире, отозвалось в груди глухой тревогой.

Вдруг его левую руку стиснули чужие пальцы. Хватка была такой сильной, что он недовольно нахмурился. Обернувшись, чтобы резко осадить наглеца, он осекся, утонув в глубоком, сияющем звездами взгляде. Бай По впервые видел, чтобы Ван Шо открыл свои обычно прищуренные, узкие глаза так широко. И они оказались на удивление красивыми.

— Пойдем, там впереди продают розовый сахар, — негромко произнес Ван Шо и увлек опешившего юношу за собой.

Очнулся Бай По лишь тогда, когда в рот ему сунули сладкое лакомство. Приторно-сладкий, цветочный вкус мгновенно наполнил горло. Осмотревшись, юноша заметил, что лавку облепили исключительно ребятишки. Смутившись, он густо покраснел и, пряча глаза, пробормотал с напускным раздражением:

— Это же для детей... Зачем ты... Тебе самому-то не стыдно?

Ван Шо весело, раскатисто рассмеялся:

— И в чем же рту сейчас эта сладость?

— Ах ты!.. — вскипел было Бай По, но, вскинув голову, наткнулся на теплый, удивительно ласковый взгляд мужчины. Вся его злость мгновенно испарилась, уступив место полнейшему замешательству.

Так они и провели весь вечер, пробираясь сквозь толпу рука об руку. В Лючжоу для Бай По всё было в новинку. Он то и дело останавливался у прилавков, разглядывая безделушки с неподдельным восторгом, и совершенно забыл о том, что его ладонь по-прежнему покоится в

руке спутника. По крайней мере, сам он об этом точно не думал — его без остатка поглотило яркое зрелище ночного рынка. А стоило возникнуть какому-то вопросу, как идущий следом мужчина тут же терпеливо всё объяснял.

Ван Шо же, чувствуя мягкое тепло чужой ладони, становился лишь серьезнее. Он послушно отвечал на бесконечные расспросы юноши, но время от времени опускал взгляд на их сомкнутые руки, и он выглядел глубоко сосредоточенным. Стоило признать: Бай По доверял ему слишком слепо. Юноша наивно полагал, что человек, лишенный боевых искусств, априори не способен причинить ему вреда.

Сыграла роль и их первая встреча, когда распластанный на кровати Ван Шо со слезами на глазах молил о пощаде. Этот образ намертво закрепил за ним ярлык слабого и беззащитного существа. Именно поэтому Бай По вел себя столь беспечно. Встретясь они при других обстоятельствах, их отношения сложились бы совершенно иначе.

На следующее утро Ван Шо буквально стащил сонного спутника с постели. После ночной прогулки Бай По, совершенно не привыкший подниматься ни свет ни заря, отчаянно сопротивлялся и пытался зарыться обратно в одеяло. Пользуясь моментом, Ван Шо от души натискал его пухлые, сонные щеки под предлогом того, что пытается его разбудить.

К переправе Бай По приплелся изнеможенным и хмурым. Однако стоило им выйти к воде, как перед ними раскинулся бескрайний, сливающийся с небом простор. Стайки речных птиц то и дело с криками проносились над самой гладью. Прохладный воздух, пропитанный запахом реки, ворвался в легкие. Бай По глубоко вздохнул, чувствуя, как утренняя свежесть мгновенно смывает остатки ночной усталости.

Из-за раннего часа реку окутывала легкая дымка, сквозь которую едва виднелись покачивающиеся на волнах суда. Южная столица славилась своей неброской, но утонченной красотой, способной очаровать в самый неожиданный момент. Пристань была разделена на несколько частей: для торговых судов, пассажирских лодок и служебных баркасов. Ван Шо вел за собой любопытно озиравшегося юношу сквозь суету грузовых причалов прямо к пассажирскому терминалу, чтобы подыскать подходящее судно до Северной столицы.

Прежде чем уйти договариваться с лодочниками, Ван Шо битый час наставлял своего спутника, наказывая никуда не уходить и ждать его здесь. И даже отойдя на приличное расстояние, он продолжал с тревогой оглядываться.

"Тоже мне, нянька нашелся, — сердито подумал Бай По, пренебрежительно фыркнув вслед удаляющейся фигуре. — Совсем меня за младенца держит. Да я, на минуточку, великий старейшина секты Таинства! Нашел ребенка"

Впрочем, беспокойство Ван Шо было вполне оправданным. Внешность Бай По слишком бросалась в глаза. Наряженный в дорожные шелка, с длинными, до самого пояса волосами, перехваченными золотистым шнуром и закрепленными кольцом из чистейшего нефрита, он приковывал к себе все взгляды. На фоне этого утонченного убранства его округлое лицо

казалось еще нежнее, а развевающиеся на ветру полы халата подчеркивали изящную, гибкую фигуру. Ван Шо всерьез опасался, что в этой портовой толпе найдется какой-нибудь наглец, который решит попытать счастья. Самих негодяев, конечно, было бы не жалко — старейшина пришиб бы их на месте, но вот добраться после этого до Северной столицы без лишнего шума стало бы задачей почти невыполнимой.

Разумеется, смирно стоять на месте Бай По и не думал. Он лениво прохаживался вдоль причалов, разглядывая пришвартованные лодки, и застыл в изумлении перед огромным четырехпалубным кораблем, тихо цокая языком от восторга. Его белоснежный, праздный силуэт резко выделялся на фоне работяг и матросов.

От скуки пиная мелкие камешки, юноша внезапно напрягся. Расслабленное выражение его лица в долю секунды сменилось хищной сосредоточенностью. Резким, неуловимым движением он выбросил назад руку, перехватывая предмет, со свистом летевший ему в затылок. Разжав пальцы, он опешил: на ладони лежал спелый, налитый багрянцем плод.

"Это еще что за шуточки?" — недоуменно подумал он.

Повернувшись к источнику броска, он увидел человека, который лениво опирался на борт двухпалубного деревянного судна и приветливо кивал ему.

Он лукаво и разбойничье усмехался. Тонкие, изогнутые дугой брови смягчали черты, а он смотрел с веселым лукавством. Незнакомец обладал фарфорово-белой кожей и чувственными, алыми губами. Длинные темные волосы свободно ниспадали на белоснежную шею — не собранные в пучок, но при этом лежащие на удивление аккуратно и благородно. Широкие рукава его одеяния колыхались на ветру. Тонкими, бледными пальцами он лениво обмахивался расписным веером, а он легко и заигрывающе улыбался. Не дожидаясь, пока юноша заговорит, незнакомец нагло помахал ему рукой:

— Привет, юноша!

<http://bllate.org/book/18409/1787935>